

Тан Шэнь толком не понимал, зачем Ван Цюань привёл его сюда, однако спокойно стоял в стороне и не произносил ни слова.

Цзи Вэнцзи проговорил:

— Темнеет, мне не следует дольше задерживаться. Старику пора идти.

Ван Цюань сложил руки в приветственном жесте:

— Доброго вам пути.

Цзи Вэнцзи взглянул на Тан Шэня и неожиданно добавил:

— Впрочем, вспомнилось мне кое-что.

— О? И что же? — спросил Ван Цюань.

— На новогоднем семейном пиру во дворце из трёх принцев можно было выбрать любого, — произнёс Цзи Вэнцзи. — И всё же Его Величество предпочёл именно второго принца, Чжао Шана.

Сердце Тан Шэня вздрогнуло. Ничем не выдав своего волнения, он напряг слух, собираясь дослушать Цзи Вэнцзи до конца.

Цзи Вэнцзи сокрушённо вздохнул:

— Поступил ли он так своенравно, наугад выбрав наименее повинного? Или же дело в том, что тот — старший сын? Ах, старший сын... Быть может, он напомнил Его Величеству о ком-то, перед кем тот испытывал вину, оттого выбор и пал на него?

Цзи Вэнцзи внезапно умолк и с наигранным изумлением проговорил:

— Пойдите, уж не снова ли старик понес какую-то чушь? Брат Дэчжань, не взыщи. С тех пор как меня одурачил тот монах-демон, из моих уст вечно слетают странные речи, не бери в голову.

— Разумеется, не возьму, — ответил Ван Цюань. — Разве брат Чунмин только что сказал хоть слово?

Тан Шэнь произнёс:

— Господин Цзи ничего не говорил.

Цзи Вэнцзи и Ван Цюань одновременно взглянули на Тан Шэня с нескрываемым одобрением. Тан Шэнь же лишь опустил глаза в землю, оставаясь невозмутимым.

Цзи Вэнцзи усмехнулся. Подняв руку, он указал на чиновничье платье Тан Шэня:

— А я-то думал, господину Тану тоже следует носить черные одежды.

Веко Тан Шэня дёрнулось.

— Ха-ха-ха, у младших — своя судьба и своя благодать, — рассмеялся Ван Цюань. — Брат Чунмин, мы непременно ещё встретимся. На этом прощай!

— Прощай!

Когда солнце клонилось к закату, Глава Астрономического приказа Ли Сяорэн в даосском одеянии с символами багуа, держа в руках мётёлку-фаньчэнь и исполненный духа бессмертия, вошёл во дворец. За ним следовали двое молодых учеников. В ночь мятежа седьмого числа первого месяца Ли Сяорэн сидел дома из-за болезни, поэтому во дворце отсутствовал; на Террасе Восхождения к Бессмертным дежурили лишь его ученики.

Теперь же, оправившись от болезни и получив высочайший вызов, Ли Сяорэн шествовал по дворцу с гордо поднятой головой.

Двое его учеников, напротив, дрожали от страха и не смели поднять глаз. Ведь в ту ночь на Террасе Восхождения к Бессмертным в ужасе корчились и трепетали именно они, а не Ли Сяорэн. Не пережив той жуткой, кровавой ночи, невозможно было понять, насколько кошмарен этот дворец. Если бы в ту ночь в Террасу Восхождения к Бессмертным ворвались императорские гвардейцы и изрубили двух юных даосов в крошево, вряд ли кто-то заступился бы за них или заговорил о несправедливости.

Когда Ли Сяорэн подошёл к Террасе Восхождения к Бессмертным, главный евнух Цзи Фу уже ожидал снаружи.

Завидев Цзи Фу, Ли Сяорэн поспешно шагнул к нему и с заискивающей улыбкой произнёс:

— Евнух Цзи.

Цзи Фу улыбнулся:

— Господин Ли. У Его Величества в эти дни немало забот и тревог, вам стоит проявлять предельную осторожность.

— Преблагодарен за предостережение, евнух Цзи, — ответил Ли Сяорэн и вошёл на Террасу Восхождения к Бессмертным.

Спустя час Ли Сяорэн вышел с Террасы Восхождения к Бессмертным. Он с облегчением перевёл дух, чувствуя невероятный прилив сил и душевный подъём. Целый год его притеснял монах Шаньтин, а теперь этот Шаньтин обезглавлен по приказу государя и выставлен на обозрение толпы. Государь отрёкся от буддизма и снова обратился к даосизму — в конце концов победа досталась ему, Ли Сяорэню!

Ли Сяорэн пребывал в превосходном расположении духа. Он велел ученику сунуть Цзи Фу несколько золотых листочков и с угодливой улыбкой проговорил:

— С завтрашнего дня нижайший слуга вновь будет ежедневно приходить на Террасу Восхождения к Бессмертным. Евнух Цзи неустанно прислуживает Его Величеству, за что вам великий поклон, но не забывайте беречь своё здоровье.

Цзи Фу незаметно принял золото и с улыбкой ответил:

— Господину Ли тоже стоит заботиться о своём здравии.

Ли Сяорэн увёл учеников прочь, витая от счастья на седьмом небе и вышагивая с неописуемой гордостью.

«И правда: ничтожество дорвалось до власти».

Цзи Фу обернулся и, увидав своего приёмного сына, нахмурился:

— Разве тебе позволено произносить такие слова?

Молодой евнух Сэ Бао опустил голову и с обидой пробормотал:

— Да... Но ведь ваш сын не ошибся.

— Эх, ты! Держи язык за зубами, какое тебе до всего этого дело? — осадил его Цзи Фу.

Сэ Бао покорно согласился и был отослан Цзи Фу выполнять поручения в задних дворцах. Впрочем, глядя вслед Ли Сяорэню и двум молодым даосам, Цзи Фу и сам не мог не признать: в этом мире и впрямь торжествуют ничтожества.

До чего же глуп Ли Сяорэнь! Насколько нужно быть слепым и безрассудным, чтобы со спокойной душой искренне считать Чжао Фу правителем, поглощённым даосскими изысканиями?

Чжао Фу за всю свою жизнь не верил ни в богов, ни в Будду — он верил только в самого себя!

После дворцового переворота в первом месяце Цзи Фу вдруг показалось, что он стал чуть лучше понимать Чжао Фу. В тот день, когда Чжао Фу призывал к себе Цзи Вэнцзи, Цзи Фу по приказу императора стоял за дверью и от слова до слова слышал весь их разговор. Цзи Вэнцзи охарактеризовал Чжао Фу как предельно эгоистичного, но просвещённого государя. Однако Цзи Фу казалось, что одного лишь «эгоизма» мало: на протяжении более чем шестидесяти лет в глазах Чжао Фу существовал лишь он один!

Будучи слугой, пробывшим подле Чжао Фу свыше пятидесяти лет, Цзи Фу вдруг ощутил леденящий душу страх.

Сэ Бао считал Ли Сяорэня дорвавшимся до власти ничтожеством оттого, что сочувствовал невинно погибшему Шаньтину. В отличие от этого лжедаоса, умевшего лишь лебезить, монах Шаньтин был прост и доступен в общении, никогда намеренно не выслуживался перед вельможами и не угодничал перед одним лишь Цзи Фу, игнорируя прочую дворцовую челядь. Шаньтин ладил с молодыми евнухами и пользовался искренней любовью как евнухов, так и дворцовых служанок.

«Будда спасает лишь тех, кому предназначено судьбой. Вы искренне желали вызволить нашего Его Величество из тьмы, да только духовных сил ваших не хватило», — сокрушался про себя Цзи Фу. Быть может, он остался последним человеком на земле, кто оплакивал монаха Шаньтина.

Закончив службу, Тан Шэнь вернулся домой и застал Тан Хуан, которая увлечённо и ярко рассказывала что-то Тётушке Яо и Фэнби:

— ...И вот видит народ: сложил этот великий монах руки в молитвенном жесте, сотворил мудру, опустил на колени прямо посреди плахи да и принялся читать сутры! И самое удивительное: едва он запел, палач замер, толпа вокруг затихла, и все слушают! С каждым вымолвленным словом из земли распускалось по лотосу, да так, что вся плаха пышно расцвела!

— А почему бы тебе не добавить, что из уст его изливались золотые лотосы, и он прямо на

месте вознёсся и стал Буддой?

Тан Хуан обернулась и, увидав Тан Шэня, состряпала поражённую рожицу:

— Неужели правда?! Тот великий монах и впрямь извергал золотые лотосы и сразу стал Буддой?

Тан Шэнь:

— ...

— Разумеется, ложь! И где ты только наслушалась этого бреда? Во время казни руки преступника скованы цепями за спиной, как бы он смог сложить их перед грудью? Время пришло — казнь совершается немедленно, без единого мгновения задержки. С какой стати палачу не подчиняться приказу? Я же просил тебя не слушать эти дурацкие сплетни, всё это выдумки.

Тётушка Яо вздохнула:

— Ах, так это выдумки... А я-то подумала, будто монахи и впрямь способны на такие чудеса.

Тан Шэнь лишь молча качнул головой.

Простые горожане не знали, что именно произошло во время дворцового мятежа в первом месяце, и искренне полагали, будто монах-демон едва не погубил государство. Впрочем, не только они — даже многие столичные чиновники не ведали истины. В народе эти события превратились в увлекательные байки для развлечения, обросшие десятком разных подробностей. Даже в Тереме Сися, принадлежавшем семье Тан, сказители рассказывали легенду о том, как благочестивый даос одолел злого монаха.

Близился второй месяц, и Тан Шэнь получил повеление явиться во дворец.

Чжао Фу вновь обрёл свой обычный невозмутимый вид. Сидя на императорском престоле, он просматривал доклады. Цзи Фу ввёл Тан Шэня во Дворец Чуйгун. Чжао Фу отложил свиток, поднял взгляд на вошедшего и с улыбкой произнёс:

— Кажется, Мы давненько не видели Цзинцзэ.

Тан Шэнь склонился в глубоком поклоне:

— Ваш подданный приветствует Его Величество.

Чжао Фу мазнул рукой:

— Подойди ближе, поговорим.

Тан Шэнь сделал пару шагов вперёд.

Чжао Фу со вздохом промолвил:

— Всё так же моложав, полон сил и расцвета. А вот Мы уже постарели...

Почти по привычке Тан Шэнь подсознательно собрался произнести подобающую льстивую реплику, однако Чжао Фу не дал ему вымолвить и слова, продолжая:

— Дни Нашего века сочтены, а то, что Мы желали совершить, так и остаётся незавершённым. Цзинцзэ, твой старший соученик отправился в Ючжоу уже так давно... Как поживает он в последнее время?

Как поживал Ван Цзыфэн, Тан Шэнь, пожалуй, знал куда хуже самого Чжао Фу.

Тан Шэнь ответил:

— Ваш подданный давно не виделся со старшим соучеником. Однако он отличается проницательным умом и глубокой рассудительностью, так что в Ючжоу его труды наверняка приносят двоякий успех.

Чжао Фу усмехнулся:

— Отправляйся-ка ты в Ючжоу и помоги Цзыфэну!

Тан Шэнь обомлел от неожиданности, но внешне остался совершенно спокойным:

— Подданный повинуетя приказу.

Чжао Фу проговорил:

— Заветные желания Нашей жизни... Как бы Нам хотелось узреть их исполнение до того, как Мы сомкнём очи навеки!

Тан Шэнь всё мгновенно понял. Он осознавал, что Чжао Фу посылает его в Ючжоу не только для того, чтобы помочь Ван Чжэню в делах Приказа серебряных ассигнаций, но и ради Государства Ляо.

<http://bllate.org/book/18292/1757496>